

ДУГЛАС АДАМС

ДЕТЕКТИВНОЕ АГЕНТСТВО

ДИРКА ДЖЕНТЛИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
А28

Серия «Эксклюзивная классика»

Douglas Adams

DIRK GENTLY'S HOLISTIC DETECTIVE AGENCY
THE LONG DARK TEA-TIME OF THE SOUL

Перевод с английского *О. Корчевской*

Серийное оформление и компьютерный дизайн *Е. Ферез*

Печатается с разрешения компании Completely
Unexpected Productions Ltd
и литературных агентств Ed Victor Limited и Andrew Nurnberg.

Адамс, Дуглас.

А28 Детективное агентство Дирка Джентли : [сборник] / Дуглас Адамс ; [пер. с англ. О. Корчевской]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 576 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-103284-5

Там, где вам не помогут ни полиция, ни дипломированный психиатр, ни кембриджский профессор, вступает в действие детективное агентство Дирка Джентли – крупнейшего специалиста по бракоразводным процессам, пропавшим кошкам и пришельцам из иных миров.

Кто, как не он, даст ответ на сложнейшие вопросы современности:

Что общего у кошки и Кольриджа с квантовой механикой и кушеткой в стиле честерфилд?

Может ли покойник подать в суд за клевету?

И действительно ли в подсознании каждого из нас живет гений, готовый справиться с любой задачей – даже с той, что на первый взгляд кажется неразрешимой?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Douglas Adams, 1987, 1988

 Школа перевода В. Баканова, 2014

ISBN 978-5-17-103284-5

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

ДЕТЕКТИВНОЕ
АГЕНТСТВО
ДИРКА ДЖЕНТЛИ

Моей маме.

Больше всего ей понравился эпизод с лошадью.

Предисловие автора

Колледж Святого Седда в этой книге описан по моим воспоминаниям о колледже Святого Джона Кембриджского университета, хотя кое-какие черты были позаимствованы и у разных других учебных заведений.

На самом деле сэр Исаак Ньютон учился в Тринити-колледж, а Сэмюэль Тейлор Кольридж — в колледже Иисуса.

Так что колледж Святого Седда — творение целиком и полностью вымышленное, и любые параллели между описываемыми здесь учреждениями и героями и реальными учреждениями и людьми — живыми, умершими или тревожащими ночь своими призраками — непреднамеренны.

Эта книга создавалась при помощи компьютера Apple Macintosh Plus и принтера LaserWriter Plus. Для обработки текста была использована программа MacAuthor.

Затем компания The Graphics Factory (Лондон SW3) сделала типографский оттиск готового документа на наборном устройстве Linotron 100 — так

был получен окончательный текст высокой четкости. Благодарю Майка Гловера из Icon Technology за содействие в этом процессе.

И наконец, отдельное спасибо Сью Фристоун, которая не щадя сил помогала взлелеять эту книгу.

Дуглас Адамс
Лондон, 1987 г.

Глава 1

На этот раз свидетелей не будет.

На этот раз — лишь мертвая земля, раскаты грома да нескончаемый мелкий дождь. Такой приходит с северо-востока и сопровождает важнейшие события в мире.

Стихли давешние бури, ослабли потоки воды. Разбухшие тучи еще грозили ливнем, но вечерний сумрак размочила всего-навсего унылая морось.

В сгущающейся тьме пронесся ветер, обогнул низкие холмы, просвистел по долине, посреди которой в непролазной грязи стояла скособоченная башня. Похожая на столб магмы, извергнутой когда-то из глубин преисподней, башня клонилась будто под тяжестью чего-то более значительного, чем ее собственный вес. Она казалась мертвой, причем мертвой уже давно.

Все затихло, лишь по дну долины вяло текло слякотное месиво реки. Через милю-другую поток спустился в овраг и исчезал под землей.

Когда стемнело, стало ясно, что в башне все-таки есть жизнь. Внутри возник слабый, едва заметный

красный огонек. Пусть вокруг ни души, увидеть его некому, — все же от него исходил настоящий свет. С каждой минутой он горел сильнее и ярче, затем почти погас. Одновременно ветер принес тревожный низкий звук, который постепенно усилился, перерос в отчаянный вопль и, обиженно взвизгнув, оборвался.

Немного погодя вспыхнул второй огонек, маленький и живой. Он замерцал у основания башни, обогнул ее по кругу, останавливаясь на пути, и тоже исчез вместе с едва различимой фигурой человека.

Прошел час, тьма стала совсем непроглядной. Мир будто умер, погрузившись в пустоту ночи.

Но вот у самой макушки башни, сопровождаемый скорбным воем, огонь появился вновь. На этот раз он резво разгорелся докрасна и ослепительно зардел, а звук превратился в оглушающий вопль.

Внезапно все стихло, свет погас.

На миг наступила полная тьма.

Грязь у подножия башни вспучилась и исторгла клубы странного белесого света. Вздогнуло небо, судорожно передернулся поток грязи, взревели небо и земля, тучи озарились жуткими всполохами: розовыми, зелеными, оранжевыми. Затем свет вновь погас, и мир погрузился в непроглядно темную ночь. Воцарилась тишина, лишь где-то вдалеке едва слышно звенели капли.

Наутро заблестало солнце, день выдался самый теплый, безоблачный и светлый из всех случавшихся доселе на земле. По растерзанной долине текла прозрачная река.

Быстро понеслось время.

Глава 2

Высоко на утесе верхом на скачущей лошади сидел электрический монах. Из-под капюшона холщовой сутаны он безотрывно смотрел вниз, на долину, вид которой поставил его в тупик.

День был жарким, солнце, замерев в подернутом дымкой небе, выжигало серые камни и чахлую, иссохшую траву. Ничто не шевелилось, даже монах. И только лошадь, время от времени взмахивая хвостом, слегка колыхала воздух.

Электрический монах был бытовым прибором для облегчения человеческой жизни. Если посудомоечная машина или видеомэгафон избавляют от необходимости перемыть горы грязной посуды или смотреть нудные телепередачи, то электрические монахи предназначались для того, чтобы верить за человека, принимать за чистую монету все приготовленное для него миром, тем самым освобождая от обязанности, со временем становящейся только тягостнее.

Увы, но именно у этого электрического монаха однажды что-то перемкнуло, и он принялся верить во все без разбора. Порой даже жителям Солт-Лейк-Сити не удавалось переплюнуть его в доверчивости. Разумеется, о таком городе он никогда не слышал. Как и о ста тыщах миль, что разделяли распростершуюся перед ним долину и Большое Соленое озеро в Юте.

Сейчас монах вдруг уверовал, что и долина, и все вокруг, и он сам, и лошадь равномерно окрашены в бледно-розовый цвет. Это в некоторой мере ухудшило его способность отличать один предмет от

другого, а значит, о движении вперед не могло быть и речи. Поэтому монах застыл на месте, а лошадь обуяла тоска: с какими только глупостями ей не приходилось мириться, но сегодняшняя, по ее мнению, затмила все предыдущие.

Давно ли монах всему верил?

Ему казалось — всегда. Вера, способная свернуть горы или по меньшей мере убедить, что вопреки здравому смыслу все вокруг порозовело, была тверда и неколебима, как скала. Пусть весь мир перевернется — она не дрогнет. Впрочем, лошадь знала: вера иссякнет ровно через сутки.

Так что же это за лошадь, у которой на все есть свое мнение, да еще и скептическое? Разве так ведут себя лошади? Может, это необычная лошадь?

Вовсе нет. Вне всякого сомнения, она была красива и хорошо сложена и все же ничем не отличалась от остальных представителей своего вида, разбросанных в процессе конвергентной эволюции всюду, где есть жизнь. Лошади соображают гораздо лучше, чем кажется. Да и трудно не составить собственного мнения о том, кто каждый день ездит на тебе верхом.

Зато некоторые могут не моргнув глазом оседлать другое существо, кататься с утра до ночи и даже о нем не вспомнить.

Первые модели электрических монахов разрабатывали так, чтобы они мгновенно распознавались как искусственные объекты и ни в коем случае не напоминали людей. Представьте: видеомаягнитофон валяется на диване перед телевизором, ковыряет в носу, пьет пиво и посылает хозяев за пиццей. Только этого не хватало!

Создатели монахов обращали внимание не только на оригинальность дизайна, но и на практичность с точки зрения верховой езды. А это важно. Всадники — будь то люди или неодушевленные предметы — гораздо больше располагают к себе. Было решено наделить их двумя ногами: так удобнее и дешевле, чем если количество ног равнялось бы простому числу, к примеру семнадцати, девятнадцати или двадцати трем. Вместо лиловой шероховатой кожи им дали кожу розоватого оттенка, мягкую и гладкую. Кроме того, монахи получили по одному рту и носу и одному глазу, впрочем, впоследствии их снабдили еще одним, так что в итоге они оказались двуглазыми. Странные существа. Зато способные с ходу поверить в самую чудовищную нелепицу.

Монах вышел из строя, когда однажды ему пришлось принять на веру слишком большую порцию информации. По ошибке его подключили к видеомэгафону, который одновременно просматривал одиннадцать телевизионных каналов, что привело к замыканию в какой-то из нелогических цепей. Видеомэгафон лишь смотрел, в его обязанности не входило всему верить. Вот почему перед использованием бытовой техники следует тщательно изучать руководство по эксплуатации.

Целую неделю монах лихорадочно верил, что война — это мир, добро — зло, луна сделана из сыра с плесенью, а на некий почтовый ящик нужно срочно отправить кругленькую сумму для Господа Бога. После того как ему пришлось поверить, что тридцать пять процентов столов — гермафродиты, он сломался. Мастер из магазина бытовой техники рекомен-

довал заменить материнскую плату, но потом вдруг принялся рассказывать об усовершенствованной модели «Монах-Плюс» — она, мол, вдвое мощнее, оснащена новейшей многоцелевой функцией отрицания, позволяющей одновременно удерживать в памяти до шестнадцати абсолютно разных и даже противоположных концепций без досадных системных ошибок, работает куда шустрее, а стоит не дороже материнской платы для старой модели.

Этим все и решилось.

Неисправного монаха отправили в необитаемую местность, где он мог верить во что угодно, в том числе и в то, что с ним обошлись несправедливо. Лошадь ему оставили, потому что она почти ничего не стоила.

Несколько суток, показавшихся ему сначала тремя, потом сорока тремя, а затем пятьюстами девяносто восемью тысячами семьюстами тремя днями, он странствовал и верил во все, что попадалось на глаза: в камни, в птиц, в облака и в несуществующий вид спаржи — слоновий аспарагус, пока наконец не оказался здесь, на высоком утесе. Перед ним простерлась долина, которая — вопреки глубокому и горячему убеждению монаха — была не розовой. Ничуть.

Время шло.

Глава 3

Время шло.

Сьюзан ждала.

Чем дольше она ждала, тем упорнее молчали дверной звонок и телефон. Она взглянула на часы и ре-

шила, что у нее есть все законные основания рассердиться. Разумеется, она давно уже сделала это, хотя тогда еще не пробил, так сказать, час. Теперь же точно наступило время, к которому Ричард сам просил ее быть готовой, и его отсутствие невозможно оправдать никакими дорожными пробками, чрезвычайными происшествиями, внезапно возникшими обстоятельствами и медлительностью.

Она попробовала представить, что с ним случилось ужасное, и разволноваться, но не вышло — не верилось ни на секунду. С ним никогда не происходило ничего плохого.

В глубине души шевельнулась мысль собственноручно помочь ему исправить ситуацию. А что, замечательная идея.

С возмущенным видом она плюхнулась в кресло и включила телевизор. Новостная программа ее взбесила. Она пощелкала по каналам, пару минут посмотрела другую передачу, но тоже осталась недовольна.

Может, позвонить ему? Нет уж, еще чего! А вдруг в то же самое время он станет набирать ее номер? Так никогда друг до друга не дозвониться.

Она решительно выкинула из головы мысль о телефоне.

Черт побери, где он ходит? А вообще — какая разница? Ей плевать!

Вот уже третий раз кряду он такое выкидывает. С нее достаточно. Сьюзан вновь со злостью пробежалась по каналам. Наткнулась на программу о компьютерах и каких-то интересных разработках в области музыкально-компьютерных технологий.

Все! С нее хватит. Да, она уже говорила это пару секунд назад, но теперь действительно хватит, окончательно и бесповоротно.

Она вскочила с кресла, подошла к телефону, быстро пролистала справочник и набрала номер.

— Алло, Майкл? Это Сюзан. Сюзан Вэй. Помнишь, ты просил позвонить, как только выдастся свободный вечер? Я тогда еще ответила, что лучше сдохну в канаве. Так вот, сегодня я абсолютно, полностью и совершенно свободна, а приличной канавы поблизости нет. Через полчаса я буду в клубе «Танжер». Советую не упустить шанс.

Она обулась, накинула пальто и вдруг вспомнила, что сегодня четверг — пора менять ленту на автоответчике. Это не заняло много времени — через пару минут Сюзан уже вышла из дома.

Когда наконец раздался звонок, автоответчик приятным голосом доложил, что Сюзан не может подойти к телефону, и попросил оставить сообщение, которое она прослушает, как только вернется. Возможно.

Глава 4

Ноябрьский вечер выдался студеным, как в старые добрые времена.

Луна казалась бледной и мутной, будто недовольной, что ее выгнали на небо в такой холод. В лунном свете сквозь дымку отвратительных болотных испарений прорисовывались смутные силуэты башен и шпилей кембриджского колледжа Святого Седда — призрачное изобилие возведенных за многие века зданий в архитектурных стилях разных пе-

риодов, от средневекового до викторианского, от греческого до стиля эпохи Тюдоров. И только туман немного сглаживал этот разнобой.

Между зданиями в тусклом свете виднелись фигурки: люди спешили, поеживаясь от холода и оставляя в воздухе быстро тающие облачка пара от дыхания.

Было семь часов вечера. Большинство торопились в обеденный зал, что отделяет первый внутренний дворик колледжа от второго. Собственно, из этого зала и струился — неохотно, словно против воли — теплый свет.

Бок о бок шли два совершенно разных человека. Первый — молодой, долговязый и нескладный; даже в толстом пальто он выступал как обиженная цапля. Второй, невысокий и пухлый, двигался с неуклюжей суетливостью престарелой белки, лихорадочно ищущей выход из мешка. Точный возраст его определить было трудно, даже невозможно. Если выбрать наобум любое число, то скорее всего он все равно оказался бы хоть чуточку, но старше. Его лицо испещрили морщинки, из-под красной лыжной шапочки выбилась прядь волос, седых и жидких, — они, судя по всему, имели собственное представление о том, как укладываться на голове. Он тоже кутался в теплое пальто, поверх которого развевалась мантия с изрядно выцветшей лиловой отделкой, демонстрирующей его принадлежность к особой университетской кафедре.

Говорил в основном старший. По пути он указывал на достопримечательности, хотя рассмотреть их в темноте было невозможно. Молодой вставлял